

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему: «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – Конфликтология

Диссертация Мусаева Абдурашида Идрисовича представляет собой актуальное, завершённое, основательное, оригинальное и выполненное на высоком теоретическом уровне исследование сложной темы – феномена социальной дистанции как движущей силы этнополитического конфликта. Несмотря на наличие большого количества работ, с разных углов зрения анализирующих конфликтный потенциал этнических взаимодействий, представленная работа открывает новые исследовательские перспективы в данной проблематике. Значение диссертационного исследования для науки и практики состоит в том, что теоретические обобщения, а также разработанные на их основе предложения и рекомендации, представляют собой научно-методическую базу для совершенствования государственной национальной политики в современной России.

Хочу сразу подчеркнуть – представленная работа имеет пионерский характер хотя бы в силу того обстоятельства, что она является в России одной из первых, полностью выполненной в ключе формулы специальности 23.00.06 (конфликтология).

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнения.

Этнические конфликты занимают весомое место в общей массе конфликтных взаимодействий в мире, отличаясь деструктивностью и бескомпромиссностью, что в свою очередь крайне усложняет работу, направленную на их урегулирование и разрешение. Этнические конфликты не обошли стороной и пространство Российской Федерации. Можно утверждать, что изучение современных тенденций динамики этнополитических – это во многом изучение тенденций, сценариев и рисков политического и социального развития современной России.

Россия как полигетническое и поликонфессиональное общество сталкивается с очень непростой экзистенциальной дилеммой, требующей своего нетривиального объяснения и разрешения. Суть этой дилеммы сводится к вопросу о том, является ли сложный этнонациональный состав населения России ее уязвимостью или же многонациональный состав является уникальным источником развития и важнейшим фактором благополучия и процветания страны.

Разрешить вышеуказанную дилемму призвана «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой

говорится, в частности, о том, что «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации».

При этом в Стратегии отмечается факт наличия «нерешенных проблем» в области межнациональных отношений, вызванных коренными общественными переменами и переходом на рельсы рыночной экономики. Во многом после столь глубинных преобразований политическая повестка пополнилась такими явлениями как ксенофобия, этническая нетерпимость, экстремизм, религиозный фундаментализм и терроризм. Вместе с тем, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в списке среди негативных факторов, оказывающих влияние на состояние и развитие этнонациональных отношений, первым значится «высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации».

Действительно, бедность и нужда в России становятся все больше этнически окрашенными. Более того, при современном положении дел не требуется особых усилий, чтобы понять, на каком из полюсов социального неравенства оказываются этнонациональные образования. Социально-экономический портрет этнотERRиториальных автономий и округов, базовый слой которого былложен во время рыночных реформ, не претерпел явных изменений за более чем четверть века и по-прежнему несет в себе все те же черты и оттенки высокой безработицы, неразвитости промышленного кластера, самых низких в стране заработных плат и управлеченческой неэффективности местных политических элит.

Замысел рецензируемой диссертации имеет многоаспектный характер. Это не только выявление и обоснование конфликтогенной природы феномена социальной дистанции, но и раскрытие его влияния на процесс возникновения и последующего воспроизведения этнополитических конфликтов в современной российских условиях. Поставив целью «анализ социальной дистанции как фактора, обуславливающего зарождение и развертывание этнополитических конфликтов в условиях современной России» (с. 9), Мусаев А.И. весьма успешно справился с поставленной задачей, продемонстрировав навыки зрелого исследователя по освоению и критическому использованию в своей работе корпуса российской и зарубежной научной литературы по заявленной проблематике. Хочу отметить владение диссертантом методологическими

подходами именно конфликтологии, что выводит рецензируемую работу за рамки привычных традиционных методов этнополитологии, ограничивающих, на мой взгляд, набор исследовательских стратегий при анализе специфики российской версии этнополитических конфликтов.

При чтении работы первоначально возникло опасение – сумеет ли автор инкорпорировать междисциплинарность конфликтологического анализа в требуемую логичность и научную стройность текста, не произойдет ли часто встречающееся у молодых исследований дефокусировка, рассеивание исследовательского внимания? Эту непростую задачу, на мой взгляд, диссертанту удалось успешно решить, в том числе за счет последовательного рассмотрения категории социальной дистанции как единицы анализа конфликтных форм межэтнических взаимоотношений. Именно такой подход и определил несомненную новизну как самой постановки в диссертации исследовательских вопросов и выбора теоретической перспективы, так и оригинальности полученных выводов. Несомненно, такой шаг открывает возможность применить новый подход в исследованиях межнациональных отношений и осмыслить каузацию их конфликтности.

В практическом плане диссертация актуальна тем, что ее положения и выводы могут быть использованы как инструментарий реализации важнейших целей государственной национальной политики, в числе которых следует назвать мониторинг и предупреждение межэтнической напряженности, сдерживание и урегулирование конфликтов с этнонациональным окрасом.

Структура диссертационного исследования (введение, три главы, заключение и список литературы) логична и соответствует поставленным исследовательским задачам и отвечает всем необходимым критериям академического текста.

В первой главе («Методология анализа этнополитических конфликтов») рассматривается широкий круг подходов к различным аспектам феноменов этничности и этнополитического конфликта. Достаточно адекватно используя все многоголосие подходов и концепций, автор предложил собственный исследовательский инструментарий, понимая под этнополитическим конфликтом «действительные и мнимые исторически обусловленные противоречия в господствующих отношениях между различными политическими этносами или нациями (в силу того что нации суть политические этносы), сложившиеся в действительных или мнимо различных социальных средах (сферах), детерминированных в первую очередь социально-экономическим (материальным) положением наций» (с.57). Такой подход вносит вклад в развитие понятийно-категориального аппарата современной конфликтологии.

В порядке критического замечания к данной главе хотелось бы обратить внимание диссертанта на диспропорциональное, на мой взгляд, привлечение в качестве

доказательства своей позиции выводов диссертации В.Ф. Безуглого, которая в позитивном ключе цитируется гораздо чаще, чем остальные работы по проблематике. Забегая вперед, отметим, что в заключительной главе диссертант обосновано опровергает положение упомянутого автора о том, что «социальная дистанция может описать и раскрыть трудности межэтнического дискурса, но не конфликтогенность их отношений» (с.120).

В главе II «Конфликтный потенциал социальной дистанции» автором выстраивается концептуальная рамка для анализа субстантивных характеристик феномена социальной дистанции. На основе критического анализа существующих представлений о категории социальной дистанции автор доказывает важность преодоления имеющихся односторонностей определения данного понятия. Достаточно новаторски рассматривая социальную дистанцию «как фактор конфликта и через конфликт», Мусаев А.И. определяет ее « как отношение отрицательного единства, при котором индивиды как носители различий условий своего существования и социального положения, наделяются разнонаправленными (противоположными) интересами, и в ситуации столкновения (конфликта) обособляются по различным полюсам социальной вертикали и горизонтали, постоянно стремясь изменить (опять же посредством конфликта) существующую дельту различий» (с.86).

Таким образом, диссертант не только полно изучил существующие подходы, что было бы достаточно шаблонным решением, но и пошел дальше, сфокусировав внимание на конфликтологических акцентах проблематизации социальной дистанции. Считаю это несомненной заслугой автора. В качестве критического комментария к I параграфу данной главы хотелось бы выразить некоторое недоумение по поводу определенной легковестности анализа теоретического наследия Г.Зиммеля, интерпретация позиции которого строится, в основном, на критическом анализе статьи А.Н. Гусева (Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. 2009. № 4). Хотелось бы в данном фрагменте диссертации видеть больше самого Зиммеля, благо его ключевая работа по проблематике социальной дистанции «Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования» неоднократно издавалась на русском языке.

Отдельную ценность представляет глава III «Социальная дистанция как фактор этнополитического конфликта в современной России», в которой диссертант, исходя из конфликтологического подхода к пониманию социальной безопасности, переходит к детальному описанию российской специфики социальной дистанции как фактора этнополитических конфликтов.

В целом выводы, к которым приходит диссертант, представляются вполне обоснованными и убедительными. Это относится, в том числе к выводу о том, что понятия этноса и этничности нуждаются в размежевании. Можно согласиться с автором, что «этнос как определенная устойчивая общность людей соотносится с понятием народ, и в конкретных исторических условиях народ может конструироваться как этнос, тем самым этничность как атрибутивный признак этой общности со свойственной ей мировоззренческой матрицей берет на себя при определенных условиях функцию рационализации социальной реальности...» (с. 16-38).

На основе анализа существующих в науке теоретико-методологических подходов к исследованию этнополитических конфликтов, а также привлечения в качестве иллюстративных примеров исторического материала, автором формулируется положение о том, что национальный вопрос – это, прежде всего вопрос социальный, который не может быть рассмотрен вне зависимости от наличествующих конкретных исторических условий и без диалектической постановки самого вопроса. Тем самым сделан оправданный акцент на социальной обусловленности этнополитических конфликтов.

Трудно не согласиться и с заключением диссертанта о том, что в феномене социальной дистанции выражены разнонаправленные интересы собственников и наемных рабочих. Отсюда следует ещё один убедительный вывод автора: социальная дистанция отражает «конфликтную волатильность» общественных отношений, а «наемный труд является областью взаимного притяжения и отторжения двух различных полюсов, единство которых может существовать только в конфликтности, иными словами в социальной дистанции как отрицательном единстве» (с. 87-118).

Значительным достоинством диссертации А.И. Мусаева является анализ внутренней структуры понятия социальной безопасности, через которое раскрывается сущность социальной констекстуальности этнополитических конфликтов. Автором отдельно анализируется присутствие «функционального следа» феномена социальной дистанции в субъектности элементов социальной безопасности. Несомненное научное значение имеет вывод о том, что социально-экономическое неравенство есть дистанция огромного размера между различными регионами и национальными автономиями. Социальная дистанция вместе с тем оборачивается для определенных групп населения тотальной небезопасностью их жизнедеятельности, что обуславливает их нацеленность на улучшение собственных условий жизни с помощью конфликта (с. 121-142).

Весьма ценен и вывод автора о том, что «социальная дистанция есть то действительное отношение, обуславливающее конфликтное взаимодействие этносов в современной России». В основе данного взаимодействия является неравное материальное

положение этносов, которое воспроизводится диалектическим взаимоотношением центра-периферии. Данное взаимоотношение выражается в виде противоположности города и деревни, которое обусловлено соответствующим развитием российской истории и современными условиями функционирования частной собственности (с. 144-169).

Таким образом, я с полным основанием могу утверждать, что цель и задачи диссертации реализованы в полном объеме, а автору удалось получить новые концептуальные выводы, обоснованные и представленные в положениях, выносимых на защиту и заключении диссертации. Исследование выполнено на высоком профессиональном уровне, а его результаты имеют как научный, так и общественный интерес. Они могут быть использования различными центрами этнополитологического мониторинга и предупреждения конфликтов, которые проводят прикладные исследования состояния межэтнических отношений в Российской Федерации и сопредельных государствах, а также в подготовке учебных дисциплин, предметом изучения которых выступают межэтнические отношения и межэтнические конфликты.

Отмечая несомненные достоинства диссертации, хотелось бы высказаться по поводу дискуссионных моментов и обратить внимание на ряд замечаний.

Мне представляется, что авторский анализ построен на широком применении конфликтологической теории марксизма. Зачем же этого стесняться, указывая в качестве методологических оснований исследования стандартный перечень общенаучных и специальных подходов: «анализ и синтез, метод восхождения от абстрактного к конкретному, единство логического и исторического методов, структурно-функциональный анализ, системный подход, институциональный анализ, социокультурный подход» (с.12)? Исследование имеет четкую эвристическую ориентацию и опирается на определенный способ изучения социальных и этнополитических конфликтов. Это обстоятельство, как я полагаю, следовало бы более жестко зафиксировать — марксизм уже не находится в “интеллектуальном гетто”. Конечно, это наложило бы на диссертанта дополнительные обязательства— автору пришлось бы учесть критическую литературу, но и работа бы была более четко определена на карте существующих многообразных теоретико-методологических подходов к изучению конфликтов.

Из этого вытекает еще один вопрос. Отдав должное К.Марксу и Ф. Энгельсу, автор проигнорировал подход Ральфа Дарендорфа, не включив его работы даже в библиографический список. Между тем, объяснительно-аналитическая концепция Дарендорфа классов как конфликтных групп возникающих из структуры власти нормативно координируемых ассоциаций, имеет ряд принципиальных отличий от

марксизма, которые следовало бы упомянуть, рассматривая проблематику исследования. Однако, данные соображения имеют субъективный и дискуссионный характер.

Можно также высказать претензии к неравномерному распределению объема текста диссертации по главам и устарелости некоторых эмпирических данных, приведенных в диссертации для иллюстрации теоретических положений.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы.

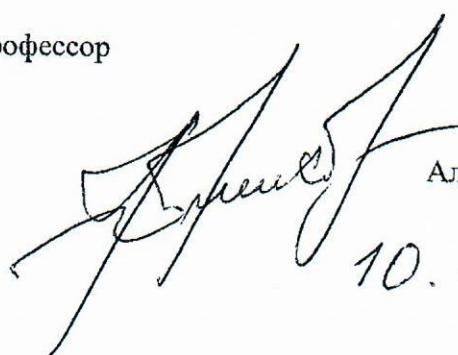
Диссертация Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему: «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мусаев Абдурашид Идрисович заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – Конфликтология. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета –

Доктор философских наук, доцент, профессор

Кафедры конфликтологии СПбГУ

a.alejnikov@spbu.ru

10.10.2018

Алейников А.В.